

ФРОНТОВЫЕ ЗАПИСКИ

В ИЮНЕ 1941 года за-
вертелось военное ко-
лесо истории, и мы, моло-
дые парни, бойцы Крас-
ной Армии, с головой опу-
нулись в круговорот во-
енных событий. До сих
пор, несмотря на тридца-
тидвулетнюю давность,
своих отдельные эпизоды,
и вряд ли когда-нибудь я
смогу их вычеркнуть из па-
мяти.

Первая военная зима.
Немецкие подвиги, оста-
вленные первоклассной тех-
никой, имея численное пре-
имущество, рвались к серд-
цу нашей Родины — Мос-
кве. Беспечным потоком по
большакам и проселкам тя-
нулись люди, повозки, ма-
шины. Уходили от кровоп-
рожденной войны, но она на-
стигла, оставила после себя
десятки тысяч трупов, горя-
щие города и деревни. Вой-
на фашистских бомб смени-
лась с криком и плачем
осиротевших детей. Война
все дальше и дальше натя-
нулась на восток. Было стра-
шно и больно за нашу истер-
занную и поруганную зем-
лю. На всех фронтах шли
упорные оборонительные
бои. Советские люди стояли
на смерть, но враг с каждым
днем наедался все больше и
больше. И мы никак не
могли понять, почему так
все происходит, почему на-
ши войска не могут остано-
вить гитлеровскую машину.

В то суровое время наш
180-й истребительный ави-
полк, до предела истрепа-
нный в боях, стоял юго-за-
падно от города Калинин «на
полюсе безымянного аэро-
дрома, который находился в
стороне от проезжих дорог,
затерянных среди лесов и
болот. Вернее, это был уже
не боевой полк, а жалкие
его остатки. Четыре уцелев-
ших летчика и три истре-
панных самолета. Связи со
штабом дивизии и армии —
никакой и почти толком не
знал, где находится немцы
и где проходит линия фрон-
та. Уже более двух суток не
поступало никаких сведе-
ний. Откровенно говоря, та-
кое наведение наводило на
грустные размышления.
Особенно в длинные зимние
ночи, проведенные в сырой
землянке, когда усталые и
голодные мы отдыхали после
дневных полетов.

Полном командиром авиар-
туса Хлусович, мужчина лет
тридцати пяти, отличный
человек и смелый летчик,
герой испанских событий
1938 года. Даже в трудные
минуты у него находились
теплые и нужные слова.
Среди личного состава он
пользовался заслуженным
авторитетом. И думалось,
пойди он в огонь, и мы за-
помним. Вообще на войне очень
крепко ценили храбрых и
умных людей, особенно среди
командиров.

Учитывая всю сложность
оперативной обстановки,
Хлусович собрал остатки
полка в большой землянке,
где мы обычно ужилины,
потому что обедать прихо-
дилось не всегда, и то ме-
жду вылетами, когда заправ-
ляли самолеты. По предло-
жению командира, немцы
наверняка уже обогнали наш
аэродром, и мы невольно
оказались в тылу врага. Вое-
припасы, горючее и продо-
вольствие были на исходе, а
ждать пополнения было не
откуда. Создавалась весьма
сложная ситуация. И майор,
видимо, чувствуя всю отве-
ственность положения, пы-
тался что-то придумать. По
его усталому сосредоточен-
ному лицу было видно, как
он напряженно думает, пы-
тается найти приемлемый
выход, отыскать правильное
решение. Внимательно по-
смотрев на нас, он сказал:

— Надо отступать. На
завтра будем перелетать в
Калинин (это было двести

километров восточнее наше-
го аэродрома), — и, немного
помолчав, добавил: — Есть
другие предложения?

Кто-то из молодых техни-
ков эскадрильи робко спра-
сил:

— А как мы?
— А вы, — отвечал Хлу-
сович, — будете выходить
из окружения самостоятельно.
Другого выхода нет...
Или, может, кто-нибудь
предпочитает плен?

В ответ возмущалась деда-
ла тишина.

— Все, что можно, унести
с собой, что нельзя — унич-
тожить, — закончил коман-
дир. Затем он разделил лю-
дей на четыре группы, на-
значил старших, определил
маршруты следования.

На рассвете мы поднялись
в воздух и легли курсом на
Калинин. Тройку красно-
звездных истребителей вел
Хлусович. Правым ведомым
шел лейтенант Селиванов,
левый — я. Погода выда-
лась не из веселых. Низкая
равнинная облачность, и что са-
мое неприятное — полная
невидимость будущего.
Времени приходилось
приниматься почти до бр-
жущего полета над голой
местностью. Мы, как птен-
чичи, пристроившись к
командиру, шли плотным
строем кнана, боясь поте-
рять его из виду.

Минут через сорок на го-
ризонте показались горы,
над которыми, как досюда,
черной шалью, висели поло-
сы дыма, уходя далеко на
восток. Калинин горел. Види-
мость делалась еще ху-
же. Мы с запада подошли к
аэродрому. Летное поле,
обычно оживленное, выгля-
дело сиротливо. Кое-где ва-
лялись обгоревшие самолеты,
и казалось, ничто не вы-
давало человеческой жизни.
Присматриваться было не-
когда. Пилотирование и так
затруднялось плохими по-
годными условиями. Ведь
пилотировать приходилось
не телегу, а боевой истреби-
тель, который в этом отно-
шении строже других само-
летов. Но, как любил гово-
рить Хлусович, жить
захотелось, — полетишь, и
приходишь. Создавалось
впечатление, что Калинин
оставлен нашими войсками
и они проходят где-то вост-
очнее города, но где имен-
но, уточнить не представля-
лось возможным. «Все од-
но, — думал я, — деваться
нельзя, лишь бы не доущи-
на».

Мы по очереди пошли на
посадку. Нормально приле-
гались и, отступив на ко-
нчик, отключили выключен-
ные моторы. Ремень я пока не
отстегивал. Какая-то внут-
ренняя осторожность за-
ставляла быть вниматель-
ным. Уж больно не внушала
доверия окружающая обста-
новка, и я никак не мог
уловить, почему на аэродро-
ме, как на кладбище, ничто
не. Отключив фонари ка-
бины, я потихоньку стал се-
матриваться по сторонам.
Спустился некоторое время с
противоположной стороны,
из леса вынырнула грузо-
вая автомашинка, в кузове
которой находилось пример-

но человек 12—15. Надали
по серым полушубкам и
ушанкам было трудно опре-
делить: наши это или нем-
цы. Тем временем лейтенант
Селиванов (он стоял край-
ний справа) вышел из каби-
ны, снял парашют и, высу-
рочно положив его на конец
плоскости, стал шарить по
нарымам, очевидно, наме-
реваясь закурить. Вдруг, не
доезжая примерно сотни
метров до нас, машина с
визгом затормозила. Солда-
ты соскочили на землю, бро-
сились в нашу сторону, что-
то кричали, размахивали
автоматами. «Немцы!» —
прошло слово тоном, и я
почувствовал, как под шле-
мофоном невольно зашеве-
лись волосы. Селиванов,
не долго мешая, выхватил
пистолет, но, скошенный
автоматной очередью, упал
лицом в снег.

Гитлеровцы разделились
на группы. «Неужели юта
на?», — пронеслось в голо-
ве. Единственное спасение —
взлет, но как это сделать?
Самому-то не запустить мо-
тор, да уйти из-под пуль не
так-то просто. Первый из
бегущих, возможно, офицер,
размахивая парабелумом,
подскочил к моему самолету.
Неужелюже забрался на
левую плоскость и, ухватив-
шись за борт кабины, за-
орал, как недорезанный по-
росянок: «Рус! Капут, еда-
вай!» На меня уставился
рыжая морда, обдав кабину
сивушным перегаром. Гит-
леровец, как филин, дино
вращая зрачками белесых
глаз, продолжал визжать од-
но и то же. В ответ я по-
слушно кивал головой, что,
мол, понимаю, сейчас выле-
зу. А сам лихорадочно сооб-
ражал: что же предпри-
ять?

Мысли молоточными сту-
чали по вискам. Одно реше-
ние не легче другого, но я
искал выход, искал спасе-
ние. Медлить было нельзя.
Жизнь висела на дуле не-
известного пистолета, наждо
мгновение готовая оборо-
таться. Я пытался хоть не-
много упернуться, азыть се-
бя в руки, но это не удава-
лось. Мой пистолет «ТТ» был
под поиском репгана, оборо-
няться было нечем, да и,
серьезно говоря, против ав-
томатчиков пистолет — не
оружие.

Я машинально нажал мно-
гу стартера, ну, думаю, будь
что будет. И почти однове-
менно ребром левой ладо-
ни что было сил, а сил в
минуту опасности прибавля-
ется вдвое, наотмашь уда-
рил фрица по переносице.
Немец на какое-то мгнове-
ние, видимо, потерял созна-
ние, выронил в кабину свой
пистолет и уткнулся голо-
вой в мое плечо. Вообще
«занятнее» соседства не
придумешь. Еще мгнове-

Ростислав ЛОРЕНЦ,
руководитель полетов
Петропавловского
аэропорта.

ние, и завалил винт самолета.
Я дал двигателю форсаж,
и истребитель, как норови-
стый конь, задрав, ринулся
с места. Тут же я мельком
увидел, как, поднимая об-
лако снежной пыли, поначал-
ся на взлет истребитель Хлу-
совича.

Валетать приходилось с
ходу поперек аэродрома, но
другой возможности не
представлялось. «Только бы
не врезаться в лес, только
бы хватило взлетной дис-
танции, а там будет вид-
но». Я цепко держал фрица
за груды, пытаясь как мож-
но дольше удерживать его на
крыле самолета с тем рас-
четом, чтобы автоматчик
не открывал огонь, ведь не
будет же он стрелять по
своему офицеру, думалось
мне. Истребитель быстро
набирал скорость. От напря-
жения дрожали руки, но я
держал немца, пока силь-
ный истребительный поток возду-
ха не сдул его с плоскости.
Секунды выиграны. Авто-
матные очереди были не
опасны, хотя солдаты не
стреляли, очевидно, ото-
рпел от неожиданности и
дерзости советских летчи-
ков.

Машинально отключив
стрельный прибор, я на-
ткнулся на фотографию не-
мца, с которой никогда не
расставался в полете. С
приборной доски на меня
смотрели до боли любимые,
улыбающиеся глаза. И так
чертовски захотелось жить!..
А кому, спрашивается, охота
погибать в двадцать
лет?

Перед самой опушкой ле-
са я оторвал машину от
земли, и когда она, задев
колесами верхушки деревь-
ев, устойчиво поплыла
вверх, холодные капельки
пота выступили на лбу.

— Тини, родная! — захо-
телось крикнуть во все горло.

Пристроившись к истре-
бителю Хлусовича, мы раз-
вернулись на 180 градусов с
целью отштормовать аэро-
дром. Радиосвязи не было,
да и договариваться было
незачем. Общая ненависть
к врагу объединяла нас, и
решение отомстить за уби-
того товарища родилось од-
новременно. После двух
удачных заходов на поле
осталось лежать несколько
фашистских трупов, горя-
щая машина и истребитель
лейтенанта. Мы взяли курс
на Тушину.

Когда все осталось позади
и мы приземлились среди
своих, Хлусович, выскочив
из кабины, обнял самолет и
несколько раз поцеловал,
приговаривая: «Спасибо, до-
рогого, что выручил». Затем
он подошел ко мне и ска-
зал: «Ты, наверное, родился
в рубашке, теперь будешь
воевать долго, до победы».
И только здесь до меня до-
шла вся трагедия минувше-
го события. И стало не по
себе. В то время я еще не
предполагал, что за годы
войны придется совершить
сотни боевых вылетов, про-
жестить десятки воздушных
боев с ненавистным вра-
гом.

Давно оттремели боевые
годы. Такие же молодые
парни, как мы тогда, служат
сейчас в рядах Советской
Армии. И я твердо уверен,
что в минуты суровой опас-
ности они не посрамят
любимой Родины и
будут так же драться за ее
священную неприкосновен-
ность, как дрались их отцы
и деды.

